

ПОЛЬЗУЯСЬ преимуществами газетчика — узнавать о событиях до публикации, — я позвонила одной из любимых своих актрис не утром, когда вышла газета с фамилиями новых лауреатов, а накануне поздно вечером.

— Марина, поздравляю...

— С чем?

— А Вы ничего не знаете?

— Нет...

— С премией Ленинского комсомола.

— За что?

Зная актрису, я не знала человека. Это искреннее «за что» очень понравилось. Далее мы разговаривали утром.

— Почему Вы стали актрисой?

— Взрослые смотрели снизводительно: все мальчишки мечтают стать летчиками, все девочки — актрисами. Но я

Но это было, как я теперь понимаю, органично, непосредственно, и не более того...

Да, она органична и достойна. С этим, кажется, она родилась. Когда сегодня она выходит на сцену «Современника» в роли девочки, обожженной войной («Вечно живые»), и в роли молодой женщины, войной пораненной («Из записок Лопатина»), и в роли юного существа, открывающего для себя впервые в жизни, что есть любовь («Валентин и Валентина»), и в роли еще более юного существа, узнающего, что в жизни есть несправедливость, грубость, невежество («Четыре капли»), и в роли озорного существа, то и дело меняющего обличье, а с ним, сдается, и характер («Двенадцатая ночь»), — всякий раз вас озаряет догадка:

напротив, резкое изменение — настроения, состояния, характера. Изменения, из которых состоит вся Неёлова. Движение — вот главное слово для определения ее особенностей как актрисы. Мгновения покоя или остановки есть, но они возникают, как сильнейший контраст тому, что только что было сплошной диалектикой. И когда это лицо и эта фигура застывают — это как крик, как эмоциональный удар: остановитесь, посмотрите, что произошло с человеком!

— Самый счастливый день в Вашей жизни?

— Вы знаете, у меня такой скверный характер, что я ужасно переживаю неудачи. Знаю людей, которые в самые дурные минуты, в минуты самых жестоких неудач говорят себе: а все-таки было что-то хорошее. Или: ничего, это пройдет, все опять будет хорошо. Меня очень привлекает это оптимистическое начало. Но сама я не умею быть счастливой тогда, когда счастлива. Может быть, потом, в воспоминании... Скажем, «Современник», театр, о котором я и мечтать не могла, к которому подходить боялась, — и вдруг я работаю там, и шесть ролей за сезон! А я все равно мучаюсь неумением, несовершенством. Очень счастливый день был, когда я впервые вышла на театральную сцену — в театре Моссовета, в спектакле, который потом, к сожалению, не вышел. Я работала в нем с Анатолием Васильевичем Эфросом. Это было счастье. Но я тоже мучилась: ничего не получается, играю плохо...

— Если Вы понимаете, что дело не в объективно складывающихся обстоятельствах, а в особенностях Вашей натуры, с этим можно бороться...

— Вы думаете?

— Я уверена. Потому что это относится к науке владеть собой, а этому можно научиться.

Нам легче. Мы смотрим на Марину Неёлову со стороны. Мы увидели ее в «Монолог» и поняли все. Для нас она состоялась сразу. Она сыграла детство — это чрезвычайно трудно сделать актеру или актрисе, которым больше шестнадцати, а тем более двадцати. Трудно, чтобы без фальши. Игра в инфантильность — угроза с одной стороны, подмена детских реакций взрослыми — с другой. Марина прошла по острию, не согнав ни в одном движении, ни в одной ноте. И все-таки сделать это, наверное, могли бы и другие. Она сыграла прощание с детством. Драматическое прощание. Переход в качественно иное состояние — состояние взрослого не-счастливого человека, и это

— И нервные затраты?..

— ...Огромные!

Статика — состояние, незнаемое ею. И потому, когда она появляется на экране или на сцене, вы уже не можете оторвать от нее взгляда. Сделать это — значит пропустить еще одно едва уловимое или,

после счастья-то! Краски ложжились контрастно и гармонично — портрет был создан незаурядным, вдохновенным художником.

После «Монолога» она владела разным драматургическим материалом — не всегда лучшим, иногда худшим. Накал актерского темперамента, острота поиска «вне» и «внутри» оставались прежними. Дано ли ей это от природы? Воспитано ли в процессе работы?..

В эти руки можно отдать самую сложную, самую удивительную роль нашей современницы. Впрочем, и не современницы тоже. Неёлова справится. Нас ждут наши собственные слезы, наше волнение и радость от встречи с ее новой героиней.

О. КУЧКИНА.

Фото Т. БАЖЕНОВА.

АКТРИСА

то смотрела иначе. Сколько я себя помню, я знала, что хочу, что должна быть актрисой.

— Ваши родители имеют отношение к театру?

— Ни малейшего. И никто в роду тоже, если не считать двоюродной прабабки Мичуриной-Самойловой. Окончив школу, я отправилась поступать в институт театра, музыки и кинематографии (я жила в Ленинграде). Сто человек на место! Поступила. Моими учителями стали Василий Васильевич Меркурьев и Ирина Всеволодовна Мейерхольд. По окончании института меня взяли в штат «Ленфильма». Все отговаривали: что ты делаешь? а простой? а незанятость? Простой — вещь ужасная для киноактера, это кольцо, заколдованный круг: ты в простое, потому что тебя не снимают, но тебя и не снимают, потому что ты в простое. Я снималась — мне повезло. Но по-настоящему мне повезло, когда Илья Авербах взял меня в фильм «Монолог»...

— Это моя любимая Ваша роль...

— Моя тоже. Есть роли, про которые ты, читая сценарий, угадываешь сразу: ты должна это играть, это твое. То есть таких ролей почти нет, их крайне мало, но Инна в «Монолог» была тем самым, моим. Словами это объяснить почти невозможно, но чувство столь сильно, что забыть о роли, исключить ее из себя уже невозможно. Я совершенно заболела тогда. Не представляла, что со мной будет, если не буду это играть. Моя первая роль в кино была в «Старой-старой сказке», я не могу ее забыть, как нельзя забыть все первое в жизни.